

26.00.01 Теология

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-27-50

**Д. В. Мухетдинов**Московский исламский институт, г. Москва,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ ПЕРЕВОДА КОРАНА НА ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК: МЕЖДУ ПОЛЕМИКОЙ И НАУКОЙ

МУХЕТДИНОВ Дамир Ваисович —

доктор теологии, ректор.

Московский исламский институт

(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, 12);

директор Центра исламских исследований, профессор

Санкт-Петербургского государственного университета

(199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11).

E-mail: dmukhetdinov@gmail.com.

Аннотация: В настоящей статье рассматривается история перевода Корана на латинский язык. Основное внимание в ней уделено изучению трансформации подхода к переводу Корана на латынь. На протяжении длительного исторического периода (XII–XVII вв.) его базовые принципы оставались неизменными, однако значительные изменения претерпевали способы их практического приложения. В работе показано, что за основу переводческого подхода, выработанного в рамках перевода Роберта Кеттонского и *Corpus Tholetanum* (ок. 1143 г.) — сборника работ об исламе, созданного в Толедо под руководством Петра Достопочтенного, — взято сочетание полемического и исследовательского компонентов. Эти ведущие компоненты переводческого подхода лежат в основе всех прочих переводов Корана на латинский язык. Однако начиная уже с перевода Марка Толедского (ок. 1210 г.), качественные характеристики этих компонентов претерпевают значительные изменения. Кроме того, изменяется и соотношение между ними: если

в XII в. полемическая составляющая оказывала значительное влияние на те или иные переводческие решения, то к XVII в. она оказывается окончательно вынесенной за рамки собственно перевода. Эта трансформация в значительной степени открыла путь к современному научному подходу к переводу Корана.

Ключевые слова: Коран, латинские переводы Корана, Роберт Кеттонский, Людовико Мараччи, христианско-мусульманские взаимоотношения.

Для цитирования: Мухетдинов Д. В. Трансформация парадигмы перевода Корана на латинский язык: между полемикой и наукой // Ислам в современном мире. 2020; 4: 27–50;

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-27-50;

Статья поступила в редакцию: 20.08.2020

Статья принята к публикации: 17.10.2020

Введение

Целью настоящего исследования является рассмотрение одного из составных элементов истории переводов Корана — истории его переводов на латинский язык. Данный аспект можно с уверенностью назвать одним из важнейших для всей дисциплины. Это объясняется тем, что переводы Корана на латинский язык, выполненные в период XII–XVII вв., в значительной степени сформировали традиции переводов Корана на современные европейские языки, в том числе русский.

Это формирование осуществлялось двумя путями. С одной стороны, в наиболее распространенных латинских переводах Корана, а именно в переводах Роберта Кеттонского (ок. 1110 — ок. 1160) и Людовико Мараччи (1612–1700), был сформирован фундаментальный подход к переводу данного памятника, накоплен значительный массив важнейших переводческих решений и интерпретативных стратегий. С другой стороны, начиная с середины XVIII в. латинские переводы Корана все чаще начинают выступать в качестве «негативного примера» для переводчиков Корана на живые европейские языки, несмотря на то, что новые переводы и комментарии к ним продолжали в значительной степени опираться на латинские издания Корана (в данном случае речь идет о переводе Л. Мараччи 1698 г.), причем как в том, что относится к стратегии перевода, так и в том, что касается научного аппарата и используемых при переводе вспомогательных источников (в первую очередь — классических *тафсиров*).

Отсюда проистекает и косвенное, но тем не менее в некоторых отношениях значительное влияние латинской традиции переводов Корана на традиции его переводов на языки неевропейских народов, в том числе — мусульманских. Это связано с тем, что становление жанра «полноценных»¹ переводов (*тарджама*) Корана на языки народов, традиционно исповедующих ислам, в ряде случаев происходило под непосредственным влиянием европейской традиции, где данный жанр как таковой зародился значительно раньше.

Таким образом, внимательное и скрупулезное изучение переводов Корана на латинский язык имеет первостепенное значение для современного корановедения в целом. Оно позволяет значительно глубже познать историю жизни Корана и его влияние на историю идей. Помимо прочего, исследования такого рода также позволяют с необычной точки зрения взглянуть на оригинальный текст. Это связано с тем, что некоторые смысловые грани текстов, являющихся краевыми для истории человечества (к которым, разумеется, относится Коран), становятся особенно заметными именно в процессе перевода.

Также следует разъяснить смысл словосочетания «парадигма перевода». Оно отсылает к лекции П. Рикёра (1913–2005), получившей название «Парадигма перевода» — одной из важнейших работ, посвященных осмыслению феномена перевода и интерпретации, в частности — Священных Писаний, философских текстов и шедевров мировой литературы². Под парадигмой перевода мы будем разумеать совокупность основных установок толкователя/переводчика/интерпретатора, которые определяют ключевые особенности ситуации понимания того или иного явления, в нашем случае — Корана. Составные элементы этой совокупности, которую мы назвали «парадигмой», таковы: 1) общий контекст рецепции Корана (точнее, контексты), совокупность предварительных установок и знаний толкователя; 2) предметную определенность — *чем, в качестве чего* он представлялся толкователю; 3) на что именно было направлено внимание толкователя, какой ракурс рассмотрения являлся приоритетным, какие вопросы были поставлены интерпретатором по отношению к произведению. Данные аспекты парадигмы не являются автономными и строго разделенными, напротив, они неразрывно связаны между собой и являются разными гранями единого явления.

¹ Определение «полноценный» указывает на то, что в исламском мире была долгое время распространена традиция «подстрочных» переводов Корана, а также *тафсиров*, которые могли содержать перевод значительной части текста Корана; однако данные переводы не обозначались и не осознавались в качестве самостоятельных произведений и наделялись только вспомогательным статусом.

² Ricœur P. Le paradigme de la traduction // Esprit. No. 253 (6), Juin 1999. Pp. 8–19.

Перевод Корана как составная часть «Christianum armarium»: «Corpus Tholetanum» и перевод Роберта Кеттонского

Переводы Корана на латинский язык считаются самыми древними из дошедших до нас переводов на европейские языки. Однако имеются свидетельства того, что уже в IX в. существовал и использовался перевод Корана на греческий язык. Его текст не сохранился, однако выдержки из него были обнаружены в полемическом труде византийского богослова и ученого Никиты Византийского (fl. 858–886) под названием «Опровержения Корана», который был написан в 855–870 годах. Имеются основания полагать, что данный перевод мог быть полным¹. Кроме того, в средневековой полемической литературе имеются указания на существование перевода Корана на другой важнейший для восточного христианства язык — сирийский. Речь идет о полемической работе митрополита Сирийской православной церкви Якова Бар-Салиби (ум. в 1171 г.), написанной против иудеев, мусульман и несториан².

Таким образом, древнейшим из дошедших до нас переводов Корана на латынь является перевод Роберта Кеттонского, выполненный ок. 1143 г. под руководством одного из самых видных интеллектуалов того периода — клюнийского аббата Петра Достопочтенного (1092–1156). Одним из важнейших плодов его деятельности стала интенсификация усвоения мусульманского духовного и научного наследия христианами, что выразилось в том числе в обращении европейцев к оригинальным арабским источникам (в первую очередь — к Корану) и их переводе на латинский язык³.

Невиданный всплеск интереса к исламу в XII в. был обусловлен расширением контактов западных христиан с исламским миром. Речь идет прежде всего о крестовых походах и значительном продвижении Реконкисты на юг Пиренейского полуострова в XI–XII вв., что сопровождалось переходом в руки христиан таких важнейших культурных, экономических и политических центров, как Толедо и Лиссабон. Реконкиста открыла европейским христианам доступ к богатейшим собраниям арабских источников. Раймунд Толедский (fl. 1126–1151), занимавший кафедру архиепископа Толедо в 1125–1152 гг., всячески способствовал освоению этого наследия и организовал научную школу, которая впоследствии стала известна как «Толедская школа переводчиков». Таким образом, Толедо стал одним из основных интеллектуальных центров

¹ Høgel Ch. An early anonymous Greek translation of the Qur'an. The fragments from Niketas Byzantios' Refutatio and the anonymous Abjuratio // Collectanea Christiana Orientalia 7, 2010. Pp. 65–119.

² Bozbin H. Translations of the Qur'an // Encyclopædia Of The Qur'an. Vol IV. Leiden–Boston: Brill, 2004. P. 344.

³ Kritzeck J. Peter the Venerable and Islam. Princeton: Princeton University Press, 1964. P. 14.

Европы той эпохи и уникальным местом соприкосновения иудейской, христианской и мусульманской духовных традиций¹.

Именно в этот город в 1142 году и прибыл Петр Достопочтенный. Там он собрал группу ученых и переводчиков, результатом деятельности которой стало создание корпуса текстов об исламе, получившего название «*Corpus Tholetanum*» («Толедский корпус»), или же «*Corpus Islamolatinum*» («Исламолатинский корпус»)². Собрание включало в себя переводы арабских источников (в т. ч. полное переложение текста Корана на латынь), оригинальные сочинения Петра Достопочтенного, а также значительный объем комментариев к Корану. Большую часть текстов перевел ученый, богослов и переводчик английского происхождения Роберт Кеттонский (fl. 1141–1157). Кроме того, в составлении сборника принимали участие друг Роберта Кеттонского Герман Далматинский, переводчик с арабского Петр Толедский (1092–1160), секретарь Петра Достопочтенного Петр из Пуатье (1130–1205) и мусульманин по имени Мухаммед, который был привлечен для того, чтобы подтвердить правильность перевода³.

В первую очередь нас интересует представленный в «*Corpus Tholetanum*» перевод Корана. Однако для более полного понимания контекста создания и публикации перевода следует упомянуть и другие сочинения, вошедшие в сборник. Так как состав сочинений и их заглавия могут отличаться от списка к списку, мы приведем названия и страницы работ в соответствии с самым ранним и наилучшим из сохранившихся, который находится в библиотеке Арсенала в Париже (инвентарное обозначение Ms-1162) и датируется XII веком. Некоторые исследователи полагают, что данная рукопись является оригинальной⁴. К этому списку тем или иным образом восходят все позднейшие манускрипты

¹ Carlos B. A. Kingdom of Faith. A New History of Islamic Spain. New York: Basic Books, 2018. Ch. XXII. Golden Ages.

² Подробнее о *Corpus Tholetanum* см.: De la Cruz Palma Ó., Hernández C. F. Lex Mahumet pseudo-prophete que arabice Alchoran, id est collectio preceptorum, vocatur, 'The law of the pseudo-prophet Muḥammad, called in Arabic the Qur'an, which is a collection of rules' // Thomas D., Mallet A. (eds.) Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 3 (1050–1200). Leiden, Boston: Brill, 2011. P. 511.

О представлении в нем личности пророка Мухаммада см. работы: Лучицкая С. И. «Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum* // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. No 3(36). С. 264–282.

D'Alverny M.-Th. Pierre le Vénérable et la légende de Mahomet // A Cluny. Fêtes et Cérémonies liturgiques en l'honneur des saints Abbés Odon et Odilon. Congrès scientifique de juillet 1949. Dijon: Société des Amis de Cluny, 1950. Pp. 161–170.

³ D'Alverny M.-Th. Deux traductions latines du Coran au Moyen Age // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age. Vol. 16 (1947–1948). P. 71.

⁴ Muñoz F. G. Epistula Saraceni [et] Rescriptum Christiani, 'The letter of a Saracen [and] the reply of a Christian'; Disputatio Saraceni et Christiani, 'Disputation of a Saracen and a Christian'; 'The Apology of al-Kindī' // Thomas D., Mallet A. (eds.) Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 3 (1050–1200). P. 480.

и печатные книги, содержащие перевод Корана Роберта Кеттонского¹. Существуют по меньшей мере еще 23 рукописи, содержащие полный текст перевода².

Итак, «*Corpus Tholetanum*» включает в себя:

- «*Summa totius heresis ac diabolice secte Sarracenorum*» («Сумма всего, что касается ереси и дьявольской секты сарацинов») (fol. 1r-3v).
- «*Epistola domni Petri abbatis ad domnum Bernardum, Clarevallis abbatem, de translatione sua*» («Письмо дон-а Педро, аббата, дону Бернардо, аббату Клерво, о его переводе») (fol. 3v-4v).
- «*Fabulae Sarracenorum*» («Легенды сарацинов») (fol. 5r-10v).
- «*De generatione Mahumet et nutritura ejus*» («О рождении Мухаммада и его воспитании») (fol. 11r-18r).
- «*Doctrina Mahumet*» («Вероучение Магомета») (fol. 19r-25v).
- «*Lex Mahumet, pseudo-prophete, que arabice Alchoran, id est collectio preceptorum, vocatur*» («Закон Магомета, лжепророка, который по-арабски называют Алкораном, то есть собранием заповедей») (fol. 25bisv-138r).
- «*Epistola Sarraceni ad christianum et rescriptum christiani ad Sarracenum*» («Письмо сарацина христианину и ответ христианина сарацину») (fol. 140r-177v).

Первое из указанных сочинений было написано самим Петром Достопочтенным; в нем он излагает основные сведения об исламе, биографию пророка Мухаммада, а также указывает на основные расхождения вероучения ислама с христианством. Основной тезис об исламе, отстаиваемый Петром Достопочтенным, сводится к следующему: ислам является ересью, а Мухаммад — орудием в руках антихриста (fol. 1r-3v). Он называет ислам «отбросами древних ересей» (*antiquarum haeresum faeces*), поскольку «вместе с Савелием он [Мухаммад] отрицает Троицу, вместе с Несторием отвергает божественную природу Христа, вместе с Манихеем не признает смерти Господа, хотя и не отрицает Его вознесения на небеса»³. По словам клюнийского аббата, ислам является ловушкой дьявола, «монструозным культом», где смешалась правда и ложь, прекрасное и уродливое. Исследователи видят в этом образе аллюзию на образ химеры из сочинения Горация «О поэтическом искусстве»⁴. В подобном духе написана и следующая работа «Письмо дон-а Педро, аббата, дону Бернардо, аббату Клерво, о его переводе».

¹ De la Cruz Palma Ó., Hernández C.F. *Lex Mahumet pseudo-prophete que arabice Alchoran, id est collectio preceptorum, vocatur*, 'The law of the pseudo-prophet Muḥammad, called in Arabic the Qur'an, which is a collection of rules'. P. 511.

² Ibid.

³ Цит. по: Луцицкая С. И. «Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum*. С. 269.

⁴ Iogna-Prat D., Tolan J. *Summa totius haeresis ac diabolicae sectae Saracenorum siue Hismahelitarum*, 'Sum of the entire heresy or demonic sect of the Saracens or Ishmaelites'; *Summa totius haeresis Saracenorum*, 'Sum of the entire heresy of the Saracens' // Thomas D., Mallet A. (eds.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 3 (1050–1200)*. P. 606.

Сборник был задуман в качестве «*Christianum armarium*» — христианского орудия опровержения доктрин ислама⁵. Данное настроение является определяющим для всего памятника — это касается не только оригинальных сочинений христианских авторов, включенных в сборник, но и переводов с арабского языка. Так, в работе российской исследовательницы С. И. Лучицкой было убедительно показано, что включенный в сборник текст «*De generatione Mahumet et nutritura ejus*», являющийся переводом арабского сочинения, повествующего о рождении Мухаммада и его пророческой миссии, переведен таким образом, что его смысл изменился на противоположный — Мухаммад представлен в качестве предтечи антихриста. При этом в текст не было внесено никаких заметных искажений. Данная метаморфоза объясняется исключительно подбором латинской лексики, относящейся к знакам избранничества Мухаммада — отметины на лбу и печати на спине. Речь идет о словах «*macula*» («пятно») и «*karacter*» («печать»), которые имели стойкие негативные коннотации, причем последнее в латинском переводе Библии употреблялось только в отношении печати антихриста⁶.

Что же касается самого перевода Корана Роберта Кеттонского, то по своим свойствам он приближается к парафразу: оригинальный *садж* был заменен на прозу, по стилистике сходную с таковой Вульгаты; при этом в текст были внесены значительные искажения, коснувшиеся порядка элементов текста, а также значения многих терминов и понятий.

При этом перевод в значительной степени опирается на классические *тафсиры* (или же на помощь тех, кто был хорошо знаком с ними), что дало возможность весьма глубокого понимания текста переводчиком и комментаторами, составившими многочисленные пояснения к нему. Однако эти комментарии, подобно другим работам корпуса, содержат множество полемических выпадов и далеко не всегда поясняют текст в согласии с вероучением ислама.

Эти противоречия определили характер той тенденции, в русле которой на протяжении многих веков, с XII в. по XVIII в., западноевропейская образованная публика имела возможность постигать ислам и Коран. Итак, в XII в. европейские интеллектуалы получили доступ к прочтению Корана, усвоив основной массив интерпретативных стратегий, выработанных классической мусульманской экзегезой. Без усвоения этого наследия сколько-нибудь аутентичное понимание Корана в тот период было бы едва ли возможным. Изучение и применение этих стратегий было очень трудоемким процессом, однако христианские ученые осознавали важность и неотложность изучения Корана, потому затрачивали на это значительное количество сил и ресурсов

⁵ Лучицкая С. И. «Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum*. С. 268

⁶ Там же. С. 276.

(столь масштабный «*Corpus Tholetanum*» был подготовлен в течение всего лишь нескольких лет!).

Это было связано с тем, что открытие достижений исламской философии и науки поставило перед христианами вопрос о более глубоком постижении учения ислама, поскольку им стало очевидно, что ислам способен составить реальную доктринальную, интеллектуальную и, наконец, политическую конкуренцию христианству.

Таким был 1) общий контекст рецепции Корана, инициированной в XII в. и получившей воплощение в Толедском Корпусе. В этом контексте 2) Коран был представлен толкователями в качестве писания, в котором запечатлен божественный закон (*lex*), однако не в собственном смысле, а как его *противоположность*, «порождение лукавого». Таким образом, 3) основной задачей христианского мыслителя по отношению к этому «антиписанию» было его опровержение, разработка *christianum armarium*. По этой причине Коран исследовался на предмет противоречий христианской доктрине. Перевод Корана осуществлялся сообразно названным принципам и стал их наиболее ярким выражением.

Все это составляет «несущие конструкции» той перспективы, в которой на протяжении веков западным христианами был представлен ислам и Коран. В этой перспективе сочетался исследовательский подход, нацеленность на глубокое понимание источника, и при этом его тотальная демонизация, изучение Корана в качестве «подделки» божественного Откровения, создателем которой мог выступить один лишь дьявол («*diaboli machinatio*»). Данный подход доминировал на протяжении всей эпохи Средневековья, а также значительную часть Нового времени и, что важно, получил новую актуальность в XVI в. в связи с важнейшими событиями европейской истории — реформацией и экспансией Османской империи.

Перевод Роберта Кеттонского стал первым напечатанным переводом Корана, причем его издание было осуществлено именно протестантскими богословами. Оно получило название «*Machumetis Saracenorum principis, eiusque successorum vitae, ac doctrina, ipseque Alcoran*» («Жизнь и учение Мухаммеда, правителя сарацин, и его последователей, а также сам Коран») и вышло в свет в 1543 г. в Базеле. Издание было подготовлено швейцарским ученым, теологом и востоковедом Теодором Библиандером (1505–1564)¹. Возможно, что предисловие к данному изданию было написано самим Мартином Лютером, который, по всей видимости, принимал активное участие в его выпуске².

¹ Fück J. Die arabischen Studien in Europe. Leipzig, 1955. S. 6, 67.

² Elmarsafy Z. Translations of the Qur'an: Western Languages // The Oxford Handbook of Qur'anic Studies. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 542.

По словам Т. Библиандера, одной из причин, побудившей его опубликовать данный труд, является стремление продемонстрировать глубинную близость «опаснейших еретических учений» — католицизма и ислама. В предисловии к Корану, которое в разных изданиях приписывается Ф. Меланхтону или М. Лютеру, также говорится о том, что «истинные христиане» окружены недругами и «слугами дьявола»: католиками, иудеями, анабаптистами, противниками тринитарной догматики и, наконец, мусульманами. По мнению Лютера, долг истинного христианина — глубоко вникнуть в сущность «лжеучений» и выдвигать против них твердые аргументы¹.

Как и в сочинениях из «*Corpus Tholetanum*», в «*Machumetis Saracenorum principis*» пророк Мухаммад рассматривался (теперь протестантскими вероучителями) в качестве проповедника ложных доктрин и врага «истинно христианской», т. е. протестантской веры. Интересно заметить, что те полемические приемы, которые в свое время использовались Петром Достопочтенным и его помощниками, в XVI в. были развиты и использованы протестантами уже против самой римской церкви. Более того, ислам рассматривался ими как родственная католичеству «ересь», которые объединяет, например, вера в спасение «добрыми делами». В целом ислам рассматривался протестантскими богословами в качестве одного из еретических ответвлений христианства, а Коран — как искаженное Писание. Глубокое изучение Корана полагалось необходимым именно в целях борьбы с «ересью». Таким образом, здесь наблюдается развитие той логики, которая была заложена в основание интерпретативных стратегий Петра Достопочтенного. Данное издание снискало значительный успех у читающей публики Европы и было переиздано в Базеле и Цюрихе в 1550 году.

В завершение разговора о переводе Роберта Кеттонского отметим, что большинство переводов Корана на вернакулярные европейские языки вплоть до XVIII в. осуществлялось не с оригинального текста, а именно с перевода Роберта Кеттонского².

Латинские переводы Корана в XIII–XVII вв.: незаметные трансформации

Другие переводы Корана на латинский язык, выполненные в Европе в период XIII–XVII вв. (за исключением перевода Л. Мараччи), не снискали даже доли той популярности, какой на протяжении веков

¹ Lutheri M. Alcoranum Præfatio // *Bibliander Th.* (ed.) *Machumetis Saracenorum principis, eiusque successorum vitae, ac doctrina, ipseque Alcoran.* Basileae: Ex officina Ioannis Oporini, 1543. Pp. 13–14.

² Afnan F. Translation and the Qur'an // Leaman O. (ed.) *The Qur'an: an Encyclopaedia.* Great Britain: Routledge. Pp. 657–669.

пользовался перевод Роберта Кеттонского (даже несмотря на то, что позднейшие переводы в куда большей степени соответствовали оригинальному тексту). Все эти переводы были выполнены в рамках той парадигмы, которая была определена переводом, вошедшим в «*Corpus Tholetanum*». Однако с течением времени эта парадигма, в основании которой лежало переплетение *полемиического* и *научного* подходов, переживала неизбежные трансформации.

Эти процессы может ярко проиллюстрировать уже второй перевод Корана на латинский язык, который вышел в свет спустя почти 70 лет после перевода Роберта Кеттонского. Он был также выполнен на территории Испании; его автором является ученый и переводчик Марк Толедский (fl. 1193–1216). Сам перевод может быть датирован примерно 1210 годом¹. Он был выполнен по инициативе архиепископа Толедо Родриго Хименеса де Рада и архидиакона кафедрального собора Толедо Дона Маурисио. Об этом свидетельствует предисловие к переводу.

На первый взгляд данное издание в целом продолжало политику, лежавшую в основании «*Corpus Tholetanum*». Так, в предисловии к переводу Марк Толедский обозначает причины, побудившие архиепископа Толедо к созданию нового перевода: опровержение доктрины ислама и, что важно, стремление обратить некоторых мусульман в христианство (!)². Это первый признак, который намекает на трансформацию *полемического* аспекта парадигмы перевода Корана уже в XIII веке — в ней постепенно начинают усиливаться миссионерские мотивы. При этом претерпевает значительные изменения и *научная* сторона вопроса. Так, в отличие от парафраза Роберта Кеттонского, перевод Марка Толедского выполнен максимально близко к оригинальному тексту, однако с соблюдением грамматических правил языка реципиента³.

Это проявилось в том, что практически для каждого арабского слова подобран латинский эквивалент, а также в стремлении передать синтаксические особенности оригинала. Кроме того, скрупулезное изучение перевода показывает, что латинская лексика подбиралась на основании этимологических аргументов (т. е. латинский эквивалент зачастую имеет сходную этимологию с оригинальной лексикой), и, кроме того, одно и то же арабское слово в большинстве случаев передавалось идентичным латинским эквивалентом. Другой чертой, отмечаемой исследователями, является тенденция к пренебрежению контекстом — Марк Толедский стремился всякий раз отражать наиболее общее, стандартное значение переводимых слов⁴.

¹ Cecini U. Main Features of Mark of Toledo's Latin Qur'añ Translation // Al-Masaq. Vol. 25. No. 3. 2013. P. 331.

² Cecini U. Main Features of Mark of Toledo's Latin Qur'añ Translation. P. 332.

³ Ibid. Pp. 333–344.

⁴ Ibid. P. 333.

Итак, мы видим, что уже к XIII в. произошла заметная эволюция переводческого подхода. Но, несмотря на свои очевидные достоинства, перевод Марка Толедского не снискал такой популярности, как перевод Роберта Кеттонского, и не сумел стать референтным источником для изучения ислама христианами; он использовался лишь ограниченным кругом людей в Италии¹. При этом до наших дней дошло немало содержащих его рукописей. В 2016 г. в свет вышло критическое издание перевода².

Кроме того, именно с перевода Марка Толедского был сделан возможно самый ранний полный перевод Корана на живой европейский язык, дошедший до наших дней. Речь идет об итальянском переводе, выполненном в 1461 году. До нас дошли только его фрагменты, обнаруженные в одном из манускриптов начала XVI века, содержащем разнообразные «путевые очерки». Данный итальянский перевод является старейшим из известных переводов Корана на итальянский язык и вообще старейшим переводом Корана на живой европейский язык, дошедшим до наших дней³.

Отметим, что в XIV–XVI вв. фрагменты из перевода Корана нередко фигурировали именно в разнообразных путевых заметках и другой литературе подобного рода, практически неизменно написанной в полемическом духе. В подавляющем большинстве случаев авторы таких сочинений пользовались имевшимися переводами, однако существует примечательное исключение из этого правила. Так, в полемическом сочинении начала XIV века «*Libellus contra legem Saracinarum*» («Слово против сарацинского закона»), автором которого является известный итальянский миссионер, путешественник и писатель Рикольдо да Монтекроче, приведены оригинальные переводы обширных цитат из Корана на латинский язык⁴. Работа была написана в Багдаде и снискала популярность в качестве инструмента полемики против мусульман, причем не только среди католиков. Эта работа была даже переведена на греческий язык. В «*Libellus contra legem Saracinarum*» и другой литературе подобного рода отразилась еще одна важная метаморфоза в подходе к изучению ислама и Корана: теперь он служит своеобразной иллюстрацией, объяснением тех реалий, которые наблюдаются и описываются путешественником.

¹ Burman Th. E. European Qur'an translations // Thomas D., Chesworth J. (eds.) Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol. 6. Western Europe (1500–1600). Leiden: Brill, 2015. P. 26.

² Pons N. P. Alchoranus latinus quem transtulit Marcus canonicus Toletanus: estudio y edición crítica. Madrid, Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2016.

³ Подробнее об этом переводе см. работу: Formisano L. La più antica (?) traduzione italiana del Corano e il Liber Habentomi di Ibn Tuṣṣart in una compilazione di viaggi del primo Cinquecento // Critica del testo. № 7, 2004. Pp. 651–696. Текст перевода: Pp. 669–696.

⁴ Hamilton A. The Quran in early modern Europe // Schaeps J. et al. (eds.) Oostersche weelde: De Oriënt in westerse kunst en cultuur. Met een keuze uit de verzamelingen van de Leidse Universiteitsbibliotheek. Leiden: Primavera Pers, 2005. P. 132.

Параллельно с этим происходила другая, важнейшая трансформация парадигмы перевода и восприятия Корана, связанная с утверждением гуманизма в Европе. Именно в данном контексте был выполнен третий полный перевод Корана на латинский язык. Его автором стал испанский богослов и гуманист, перешедший в католицизм иудей Иоанн Сеговийский (1393–1458). Перевод был выполнен между 1454 и 1456 годами.

Иоанн Сеговийский является одним из самых заметных интеллектуалов XV века. После падения Константинополя он выступал за прекращение вооруженной конфронтации с исламским миром и отказ от практики крестовых походов. В последние годы жизни его деятельность была направлена на выстраивание конструктивного диалога с исламом и другими конфессиями (например, он принимал активное участие в Базельском соборе). Иоанн Сеговийский утверждал, что путь войны (*via belli*) не принесет никакого позитивного результата, и только путем мира и учения (*via pacis et doctrinae*), т. е. мирного и, что особенно важно, конструктивного убеждения мусульман в истинности учения Христа, христианство сможет одержать верх и объять весь мир. Для этого он считал совершенно необходимым глубоко вникнуть в смыслы Корана и аутентично перевести его на язык, доступный европейцам.

Так родился его проект по переводу Корана, к которому он привлек мусульманского ученого из Испании по имени Иса ибн Джабир (Иса Гиделли) (fl. 1450). Сначала был осуществлен перевод с арабского на староиспанский язык, а затем — со староиспанского на латынь. К сожалению, оба перевода не дошли до наших дней; в настоящее время доступно только латинское предисловие к ним и некоторые цитаты¹. Исследование сохранившихся фрагментов показывает, что перевод был осуществлен на значительно более высоком уровне, нежели перевод Роберта Кеттонского. С этим переводом Иоанн Сеговийский был хорошо знаком и его качеством был совершенно неудовлетворен². В основе переводческого подхода Иоанна Сеговийского лежало стремление к максимально возможной аутентичности передачи, ради чего он был даже готов пожертвовать грамматическими нормами латинского языка, что проявилось не только в подстраивании латинских синтаксических структур под коранические арабские, но и в конструировании новых латинских слов³.

Анализ доступных фрагментов перевода свидетельствует о том, что в целом он соответствует провозглашенному подходу, который,

¹ John of Segovia. *Praefatio in translationem*. Gázquez J. M. (ed.) El prólogo de Juan de Segobia al Corán (Qur'an) trilingüe (1456). *Mittelateinisches Jahrbuch*, № 38, 2003. Pp. 389–410.

² Roth U. Juan of Segovia's Translation of the Qur'an // *Al-Qantara*, XXXV 2, julio-diciembre 2014. P. 564.

³ Ibid. P. 569.

очевидно, в значительной степени опередил свое время. Несмотря на то, что перевод И. Сеговийского сохраняет традиционную полемическую направленность, это не отразилось на его свойствах негативным образом. Напротив, в гуманистической перспективе полемика предполагала максимальную достоверность источников, на которую она должна опираться, и отсутствие какой бы то ни было тенденциозности, которая является одной из форм враждебности. Соответственно, в переводе И. Сеговийского мера аутентичности, *научности* перевода возможно впервые перестала определяться *полемикой*; напротив, содержание и характер *полемики* стал определяться достижениями *научного подхода*. Таким образом, имеются все основания полагать, что в работе И. Сеговийского отражен знаменательный поворот в парадигме перевода Корана, которому, однако, не суждено было стать повсеместным явлением вплоть до середины XVIII века.

Четвертый по очередности полный перевод Корана на латинский язык был выполнен в 1518 г. перешедшим в католицизм бывшим *факихом* Хуаном Габриелем Теруэльским (годы жизни неизвестны) по поручению римского кардинала, гуманиста и каббалиста Эгидио да Витербо (1470–1532). Его оригинальная рукопись утеряна. Сохранилось только две копии, и лишь одна из них является полной. Известно, что рукопись состояла из четырех колонок: в одной находился оригинальный текст, затем помещалась его латинская транслитерация, в третьей находился перевод, а в четвертой — комментарии¹.

Исследователи отмечают, что характеристики перевода свидетельствуют о том, что заказчик был заинтересован в максимально точной передаче смысла оригинала². Кроме того, перевод был выполнен человеком, который обладал фундаментальными знаниями традиционной исламской экзегезы, что предопределило характер многих переводческих решений. Все это позволяет включить данный перевод в ту же гуманистическую канву, в которой был выполнен и перевод И. Сеговийского, которая характеризуется сочетанием высоких научных требований и настроенностью именно на конструктивную полемику. Впрочем, не вполне ясно, предназначался ли данный перевод для широкого распространения, или же он был создан только для частного использования.

В XVI–XVII в. в Европе появляется множество работ об исламе, где цитируются обширные фрагменты Корана; речь идет как о фрагментах из переводов Роберта Кеттонского, так и об оригинальных авторских

¹ Starczewska K. K. Latin translation of the Qur'an commissioned by Egidio da Viterbo // Christian-Muslim Relations A Bibliographical History. Volume 6. Western Europe (1500–1600). Leiden, Brill, 2016. Pp. 417–418.

² Starczewska K. K. Latin Translation of the Qur'an (1518/1621): Commissioned by Egidio da Viterbo. Critical Edition and Case Study. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2018. Pp. XIII–XXII.

переводах¹. Мы не будем обсуждать данные работы подробно, однако стоит отметить, что если в XVI в. эти публикации носили преимущественно полемический характер, то уже в XVII в., в эпоху рождения и развития научного востоковедения, переводы, включенные в работы, посвященные истории, арабскому языку и другим темам, постепенно становятся частью именно научной, а не полемической или миссионерской деятельности (хотя до XVIII в. включительно, а где-то и до XIX в. необходимость перевода Корана обосновывалась потребностями миссионерской деятельности). Таким образом, уже в XVII в. намечился переход к преобладанию *научного* подхода, который, однако, окончательно утвердился лишь через один-два века, в эпоху, когда новые переводы на латинский язык уже не создавались.

Перевод Л. Мараччи: закат традиции латинских переводов Корана

Финальная и определяющая лепта в историю переводов Корана на латинский язык была внесена в 1698 году, когда в итальянском городе Падуа вышел в свет перевод, который в значительной степени вытеснил из обращения все предшествующие переводы на европейские языки, живые или мертвые, в том числе и весьма популярный французский перевод А. Дю Рье, опубликованный в 1647 году². Речь идет о переводе Корана, выполненном итальянским ученым-востоковедом и богословом Людовико Мараччи.

Перевод был издан под заглавием «*Alcorani Textus Universus Arabice et Latine*» («Полный арабский и латинский текст Корана»). Как следует из названия, издание содержит арабский текст Корана с параллельным латинским переводом. Помимо текста Корана, оно содержит обширный сопроводительный материал.

Л. Мараччи был видным церковным деятелем своего времени, придерживался ригористских католических воззрений. Так, он был духовником папы римского Иннокентия XI, принимал активное участие в деятельности Конгрегации пропаганды веры (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*), а также был одним из составителей списков запрещенных книг. Кроме того, Л. Мараччи активно участвовал в преследовании квиетистов и иудеев. Именно по причине того, что правоверность Л. Мараччи не вызывала у римской церкви никаких сомнений, ему было доверено переводить такую «идеологически опасную» книгу, как Коран.

¹ Hamilton A. The Quran in early modern Europe. P. 134.

² Hamilton A. L'Alcoran de Mahomet, 'The Alcoran of Mahomet' // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 9. Western and Southern Europe (1600–1700). Leiden, Boston: Brill, 2017. P. 457.

Первоначально, в 1691 г., была издана работа Л. Мараччи под названием «*Prodromus ad refutationem Alcorani*» («Введение в опровержение Корана»)¹. Она являлась своеобразным предварением будущего перевода. Работа состоит из предисловия и четырех частей, каждая из которых имеет собственную пагинацию и индекс². Предисловие включает 27 глав, в которых повествуется о жизни пророка Мухаммеда, и 6 глав, где рассказывается о происхождении Корана³. Общий объем предисловия составляет 45 страниц. Первая из книг «Введения» (объемом в 46 страниц) посвящена опровержению домыслов о том, что в Библии был предсказан приход Мухаммеда и возникновение ислама. Вторая книга (объемом в 81 страницу) посвящена доказательству того, что не существует чудес, свидетельствующих об истинности исламского вероучения. Третья книга (объемом в 94 страницы) посвящена сравнению христианского и исламского вероучений; согласно Л. Мараччи, только христианство имеет подлинное божественное происхождение. Четвертая книга (объемом в 123 страницы) по большей части посвящена опровержению мусульманского права, и ее целью является доказательство превосходства христианской морали над исламской⁴.

Несмотря на полемический характер сочинения, оно содержит в себе множество ценных сведений, в частности большое количество цитат на арабском языке, переведенных на латынь. Таким образом, работа Л. Мараччи является одной из первых христианских работ, полемизирующих с исламом на основании прямого обращения к арабским первоисточникам, причем пересказ и/или перевод этих источников осуществлен с высокой степенью точности⁵. Более того, издание «*Prodromus ad refutationem Alcorani*» стало самым обширным собранием цитат из исламских источников, переведенных на латынь⁶.

В 1698 г. в Падуе выходит работа Л. Мараччи под названием «*Refutatio Alcorani, in qua ad Mahumetanicae superstitionis radicem securis apponitur*» («Опровержение Корана, в котором коренится магометанское суеверие»). Она содержит оригинальный текст Корана, его латинский перевод, пояснения и «опровержения»; кроме того, в издание входит 26-страничное предисловие, индекс и список исправлений. Общий объем текста составляет 873 страницы. Эта работа была объединена

¹ *Marracci L. Prodromus ad Refutationem Alcorani. In quo per quatuor praecipuas verae Religionis notas Mahumetanae Sectae falsitas ostenditur: Christianae Religionis veritas comprobatur. In quatuor Partes divisus: Authore Ludovico Marraccio e Congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI. Gloriosissimae memoriae olim Confessario, Romae, Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1691.*

² *Tottoli R. Ludovico Marracci // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 9. Western and Southern Europe (1600–1700). Pp. 793–794.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid. Pp. 794–795.*

⁶ *Hamilton A. The Quran in early modern Europe. P. 141.*

с изданной в 1691 г. «*Prodromus ad refutationem Alcorani*» («Введение в опровержение Корана»), что и составило 1300-страничное издание «*Alcorani Textus Universus Arabice et Latine*» («Полный арабский и латинский текст Корана»)¹.

«*Refutatio Alcorani*» предваряется посвятителем письмом, которое адресовано императору Леопольду I (прав. 1658–1705), который в это время сражался с османской армией под стенами Вены. Публикация издания стала возможной благодаря помощи епископа Падуи Грегорио Барбариги, который создал центр изучения восточных языков в рамках падуанской семинарии, чтобы улучшить востоковедческую подготовку католических миссионеров².

После краткого введения следует текст первой суры Корана на арабском языке, далее располагается латинский перевод, замечания филологического характера и, наконец, «опровержение». Подобным образом устроен весь перевод.

Несмотря на то, что Л. Мараччи был арабистом-самоучкой и никогда не покидал пределы Италии, он основывает свое изложение на многочисленных арабских источниках, и постоянно ссылается на них. Привлечение такого количества оригинальных источников стало возможным благодаря обращению к огромной коллекции Римской библиотеки. Так, известно, что он пользовался рукописями *тафсиров* ал-Байдави, аз-Замахшари, ал-Хамдани, а также испанского комментатора Корана X в. Заманина³. Однако всем другим он предпочитал «*Тафсир ал-Джалалайн*» за авторством Джалал ад-дина ал-Махалли и Джалал ад-дина ас-Суйути — его Л. Мараччи цитирует особенно часто⁴. Найденные в Риме рукописи, принадлежавшие Л. Мараччи, убедительно показывают, что он посвятил своей работе огромное количество сил и времени: среди рукописей наличествует не только ряд оригинальных исламских источников, но и множество черновых вариантов перевода Корана. Большинство из вариантов датируются 1650–1660 гг., что свидетельствует о том, что проект по переводу Корана осуществлялся на протяжении десятилетий⁵.

¹ *Marraccio L.* Alcorani textus universus ex correctioribus Arabum exemplaribus summa fide, atque pulcherrimis characteribus descriptus, eademque fide, ac pari diligentia ex Arabico idiomate in Latinum translatus; appositis unicuique capiti notis, atque refutatione: his omnibus praemissus est prodromus totum priorem tomum implens, in quo contenta indicantur pagina sequenti, auctore Ludovico Marraccio e congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI gloriosissimae memoriae olim confessorio. Patavii, Ex Typographia Seminarii, 1698.

² *Tottoli R.* Ludovico Marracci. Pp. 797–798.

³ *Hamilton A.* The Quran in early modern Europe. P. 140.

⁴ *Ibid.*

⁵ Подробный филологический анализ перевода Л. Мараччи в диахронической перспективе см. в работе:

Glei R. F., Tottoli R. Ludovico Marracci at work. The evolution of his translation of the Qur'an in the light of his newly discovered manuscripts. With an edition and a comparative linguistic analysis of Sura 18. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016.

Несмотря на общий полемический тон работы, некоторые из утверждений Л. Мараччи, (например, признание того, что ислам может выглядеть более рациональным, нежели христианство), а также невероятное обилие использованных им источников оказали неоценимую помощь сторонникам ислама в XVIII веке¹.

Издание Л. Мараччи стало стандартным латинским изданием Корана, одобренным католической церковью². Оно на долгое время (вплоть до XIX века) стало научной основой для множества переводов Корана на живые европейские языки.

Итак, можно с уверенностью утверждать, что в основании собственно перевода Л. Мараччи лежит действительно критический и научный подход. Однако перевод имел один существенный недостаток: итальянский ученый нисколько не стремился передать стилистику и художественные особенности оригинала. Знаменитый французский востоковед XVIII в. Клод Этьенн Савари в предисловии к своему переводу Корана на французский язык, опубликованному в 1782–1783 гг., метко и емко охарактеризовал достоинства и недостатки перевода Л. Мараччи:

«Мараччи, этот исследователь религий, который потратил сорок лет на перевод и опровержение Корана, пошел по верному пути. Он разделил стихи [*т. е. айаты.* — Примеч. Д. М.] так, как они разделены в оригинальном тексте; но он пренебрег наставлением великого мастера:

*Nec verbum verbo curabis reddere, fidus
Interpres, etc*³.

Он перевел текст слово в слово. Он не выразил мысли Корана, а перевел на варварскую латынь слова, его составляющие. Хотя этот перевод ничего и не оставил от красоты оригинала, он все же предпочтительнее, чем перевод Дю Рье. Мараччи добавил научные примечания и огромное количество цитат из мусульманских ученых на арабском языке; причем он тщательно выбирал те из них, которые предоставляли ему наибольшее количество материала. Его можно упрекнуть за то, что он слишком сильно отдался своему пылкому рвению и, не уважая звание писателя, оскорбил свое перо грубейшими оскорблениями»⁴.

¹ См. подробнее: Hamilton A. Western Attitudes to Islam in the Enlightenment // Middle Eastern Lectures. № 3. 1999. Pp. 69–85.

Об исламофилии в среде немецких лютеранских теологов см. работу: Hamilton A. Lutheran Islamophiles in Eighteenth-century Germany // For the Sake of Learning. Essays in honor of Anthony Grafton. Brill, 2016. Pp. 327–343.

² Hamilton A. The Quran in early modern Europe. P. 141.

³ «Как истинный переводчик, ты позаботишься о том, чтобы переводить не слово в слово» (Гораций).

⁴ Le Coran. Traduit de l'arabe, accompagné de notes, précédé d'un abrégé de La Vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés. Traduction par Claude-Étienne Savary. Première partie. G. Dufour, Libraire, 1821. P. IX.

Рассмотрение эволюции парадигмы перевода Корана на латинский язык с XII в. по XVIII в. показывает, что с течением времени полемическая составляющая, не теряя своей актуальности, оказывается выведенной за пределы перевода как такового. В переводе Роберта Кеттонского научная составляющая достаточно весома (в противном случае перевод не мог бы быть выполнен), однако она была в значительной степени подчинена тенденциозной полемике и скрыта за ней.

Начиная с перевода Марка Толедского наблюдается процесс разделения науки и полемики. Его завершение мы видим в переводе Л. Мараччи — полемика оказывается внешней по отношению к научному переводу; она все еще продолжает «обосновывать» его, но уже исключительно внешним образом. Издание Л. Мараччи доводит до своеобразного логического предела как «опровержение», так и исследование, но они оказываются отделенными друг от друга в содержательном плане. Polemica перестала в какой-либо значимой степени определять работу с источником. Этим самым было подготовлено рождение собственно *научного, нейтрального* подхода к переводу Корана, который успешно развивается и в наши дни. Его парадигму можно в самом общем виде определить следующим образом: 1) опора на массив объективных фактов и сведений, а также на различные обоснованные интерпретативные стратегии; 2) Коран предстает в качестве религиозного, исторического, литературного *памятника*, который 3) должен быть объективно и всесторонне изучен и максимально аутентично отображен в языке-реципиенте. Безусловно, научная парадигма перевода Корана весьма неоднородна и с течением времени претерпевала значительные изменения, однако ее основополагающие принципы остаются неизменными.

Литература

Afnan F. Translation and the Qur'an // Leaman O. (ed.) The Qur'an: an Encyclopaedia. Great Britain: Routledge, 2006. Pp. 657–669.

Bozbin H. Translations of the Qur'an. Encyclopædia of the Qur'an. Vol IV. Leiden: Brill, 2004. Pp. 340–354.

Burman Th. E. European Qur'an translations, 1500–1700 // *Thomas D., Chesworth J.* (eds.) Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 6. Western Europe (1500–1600). Leiden: Brill, 2015. Pp. 25–34.

Catlos B. A. Kingdom of Faith. A New History of Islamic Spain. New York: Basic Books, 2018. Xi, 482 p.

Cecini U. Main Features of Mark of Toledo's Latin Qur'an Translation // *Al-Masāq*, Vol. 25, No. 3, 2013. Pp. 331–344.

D'Alverny M.-Th. Deux traductions latines du Coran au Moyen Age // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age. Vol. 16 (1947–1948). Pp. 69–131.

D'Alverny M.-Th. Pierre le Vénérable et la légende de Mahomet // A Cluny. Fêtes et Cérémonies liturgiques en l'honneur des saints Abbés Odon et Odilon. Congrès scientifique de juillet 1949. Dijon: Société des Amis de Cluny, 1950. Pp. 161–170.

De la Cruz Palma Ó., Hernández C. F. Lex Mahumet pseudo-prophete que arabice Alchoran, id est collectio preceptorum, vocatur // Thomas D., Mallet A. (eds.) Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 3 (1050–1200). Leiden, Boston: Brill, 2011. Pp. 510–515.

Elmarsafy Z. Translations of the Qur'an: Western Languages // The Oxford Handbook of Qur'anic Studies. Oxford: Oxford University Press, 2020. Pp. 541–551.

Formisano L. La più antica (?) traduzione italiana del Corano e il *Liber Habentomi* di Ibn Tuṃart in una compilazione di viaggi del primo Cinquecento // Critica del testo. No. 7, 2004. Pp. 651–696.

Fück J. Die arabischen Studien in Europe. Leipzig, 1955. Viii, 335 p.

Glei R. F., Tottoli R. Ludovico Marracci at work. The evolution of his translation of the Qur'an in the light of his newly discovered manuscripts. With an edition and a comparative linguistic analysis of Sura 18. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. 188 p.

Iogna-Prat D., Tolan J. Summa totius haeresis ac diabolicae sectae Saracenorum siue Hismahelitarum, Summa totius haeresis Saracenorum // Thomas D., Mallet A. (eds.) Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 3 (1050–1200). Leiden: Brill, 2011. Pp. 606–607.

John of Segovia. Praefatio in translationem // Gázquez J. M. (ed.) El prólogo de Juan de Segobia al Corán (Qur'an) trilingüe (1456). Mittellateinisches Jahrbuch. No. 38 (2003). Pp. 389–410.

Hamilton A. The Quran in Early Modern Europe // Schaeps J. et al. (eds.) Oostersche weelde: De Oriënt in westerse kunst en cultuur. Met een keuze uit de verzamelingen van de Leidse Universiteitsbibliotheek. Leiden: Primavera Pers, 2005. Pp. 131–143.

Hamilton A. L'Alcoran de Mahomet // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 9. Western and Southern Europe (1600–1700). Leiden, Boston: Brill, 2017. Pp. 453–465.

Hamilton A. Lutheran Islamophiles in Eighteenth-century Germany // For the Sake of Learning. Essays in honor of Anthony Grafton. Leiden: Brill, 2016. Pp. 327–343.

Hamilton A. Western Attitudes to Islam in the Enlightenment // Middle Eastern Lectures. No. 3, 1999. Pp. 69–85.

Kritzeck J. Peter the Venerable and Islam. Princeton: Princeton University Press, 1964. Xiv, 301 p.

Marraccio L. Alcorani textus universus ex correctioribus Arabum exemplaribus summa fide, atque pulcherrimis characteribus descriptus, eademque fide, ac pari diligentia ex Arabico idiomate in Latinum translatus; appositis unicuique capiti notis, atque refutatione: his omnibus praemissus est prodromus totum priorem tomum implens, in quo contenta indicantur pagina sequenti, auctore Ludovico Marraccio e congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI gloriosissimae memoriae olim confessario. Patavii, Ex Typographia Seminarii, 1698.

Marracci L. Prodromus ad Refutationem Alcorani. In quo per quatuor praecipuas verae Religionis notas Mahumetanae Sectae falsitas ostenditur: Christianae Religionis veritas comprobatur. In quatuor Partes divisus: Authore Ludovico Marraccio e Congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI. Gloriosissimae memoriae olim Confessario. Romae, Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1691.

Muñoz F. G. *Epistula Saraceni [et] Rescriptum Christiani, Disputatio Saraceni et Christiani.* Thomas D., Mallet A. (eds.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History.* Volume 3 (1050–1200). Leiden: Brill, 2011. Pp. 479–482.

Le Coran. Traduit de l'arabe, accompagné de notes, précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés. Traduction par Claude-Étienne Savary. Première partie. Paris: G. Dufour, Libraire, 1821. Xvi, 160, 252 p.

Lutheri M. Alcoranum Præfatio // *Bibliander Th.* (ed.) *Machumetis Saracenorum principis, eiusque successorum vitae, ac doctrina, ipseque Alcoran.* Basileae: Ex officina Ioannis Oporini, 1543.

Pons N. P. *Alchoranus latinus quem transtulit Marcus canonicus Toletanus: estudio y edición crítica.* Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2016. CLXX, 464 p.

Ricœur P. Le paradigme de la traduction // *Esprit.* No. 253 (6), Juin 1999. Pp. 8–19.

Roth U. Juan of Segovia's Translation of the Qur'an // *Al-Qantara*, XXXV 2, julio-diciembre 2014. P. 555–578.

Starczewska K. K. Latin translation of the Qur'an commissioned by Egidio da Viterbo // *Christian-Muslim Relations A Bibliographical History.* Vol. 6. Western Europe (1500–1600). Leiden: Brill, 2016. Pp. 417–418.

Starczewska K. K. Latin Translation of the Qur'ān (1518/1621): Commissioned by Egidio da Viterbo. Critical Edition and Case Study. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2018. Cxxiv, 828 p.

Tottoli R. Ludovico Marracci // *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History.* Volume 9. Western and Southern Europe (1600–1700). Leiden: Brill, 2017. Pp. 791–800.

Луцицкая С. И. «Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum* // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 264–282.

References

- Afnan F. (2006). Translation and the Qur'an. Leaman O. (ed.) *The Qur'an: an Encyclopaedia*. Great Britain: Routledge. Pp. 657–669.
- Bozbin H. (2004). Translations of the Qur'an. *Encyclopædia of the Qur'an*. Vol. IV. Leiden–Boston: Brill. Pp. 340–354.
- Burman Th. E. (2015). European Qur'an translations, 1500–1700. Thomas D., Chesworth J. (eds.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Volume 6. Western Europe (1500–1600)*. Pp. 25–34.
- Catlos B. A. (2018). *Kingdom of Faith. A New History of Islamic Spain*. New York: Basic Books. Xi, 482 p.
- Cecini U. (2013). Main Features of Mark of Toledo's Latin Qur'ān Translation. *Al-Masāq*. Vol. 25. No. 3. Pp. 331–344.
- D'Alverny M.-Th. (1947–1948). Deux traductions latines du Coran au Moyen Age. *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age*. Vol. 16. Pp. 69–131.
- D'Alverny M.-Th. (1950). Pierre le Vénérable et la légende de Mahomet. *A Cluny. Fêtes et Cérémonies liturgiques en l'honneur des saints Abbés Odon et Odilon. Congrès scientifique de juillet 1949*. Dijon: Société des Amis de Cluny. Pp. 161–170.
- De la Cruz Palma Ó., Hernández C. F. (2011). Lex Mahumet pseudo-prophete que arabice Alchoran, id est collectio preceptorum, vocatur. Thomas D., Mallet A. (eds.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. 3 (1050–1200). Leiden, Boston: Brill. Pp. 510–515.
- Elmarsafy Z. (2020). Translations of the Qur'an: Western Languages. *The Oxford Handbook of Qur'anic Studies*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 541–551.
- Formisano L. (2004). La più antica (?) traduzione italiana del Corano e il Liber Habentomi di Ibn Tuṃart in una compilazione di viaggi del primo Cinquecento. *Critica del testo*. 2004. No. 7. Pp. 651–696.
- Fück J. (1955). *Die arabischen Studien in Europe*. Leipzig. Viii, 335 p.
- Glei R. F., Tottoli R. (2016). Ludovico Marracci at work. *The evolution of his translation of the Qur'ān in the light of his newly discovered manuscripts. With an edition and a comparative linguistic analysis of Sura 18*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 188 p.
- Iogna-Prat D., Tolan J. (2011). Summa totius haeresis ac diabolicae sectae Saracenorum siue Hismahelitarum; Summa totius haeresis Saracenorum. Thomas D., Mallet A. (eds.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. 3 (1050–1200). Pp. 606–607.
- John of Segovia (2003). Praefatio in translationem. Gázquez J. M. (ed.) *El prólogo de Juan de Segobia al Corán (Qur'an) trilingüe (1456)*. *Mittelaltliches Jahrbuch*. No. 38. Pp. 389–410.
- Hamilton A. (2005). The Quran in early modern Europe. Schaeps J. et al. (eds.) *Oostersche weelde: De Oriënt in westerse kunst en cultuur. Met een keuze*

uit de verzamelingen van de Leidse Universiteitsbibliotheek. Leiden: Primavera Pers. Pp. 131–143.

Hamilton A. (2017). L'Alcoran de Mahomet. *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. 2017. Vol. 9. Western and Southern Europe (1600–1700). Leiden, Boston: Brill. Pp. 453–465.

Hamilton A. (2016). Lutheran Islamophiles in Eighteenth-century Germany. *For the Sake of Learning. Essays in honor of Anthony Grafton*. Leiden: Brill. Pp. 327–343.

Hamilton A. (1999). Western Attitudes to Islam in the Enlightenment // *Middle Eastern Lectures*. 1999. No. 3. Pp. 69–85.

Kritzeck J. (1964). *Peter the Venerable and Islam*. Princeton: Princeton University Press. Xiv, 301 p.

Marraccio L. (1698). *Alcorani textus universus ex correctionibus Arabum exemplaribus summa fide, atque pulcherrimis characteribus descriptus, eademque fide, ac pari diligentia ex Arabico idiomate in Latinum translatus; appositis unicuique capiti notis, atque refutatione: his omnibus praemissus est prodromus totum priorem tomum implens, in quo contenta indicantur pagina sequenti, auctore Ludovico Marraccio e congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI gloriosissimae memoriae olim confessorio*. Patavii: Ex Typographia Seminarii.

Marracci L. (1691). *Prodromus ad Refutationem Alcorani. In quo per quatuor praecipuas verae Religionis notas Mahumetanae Sectae falsitas ostenditur: Christianae Religionis veritas comprobatur. In quatuor Partes divisus: Authore Ludovico Marraccio e Congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI. Gloriosissimae memoriae olim Confessorio*. Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide.

Muñoz F. G. (2011). Epistula Saraceni [et] Rescriptum Christiani; Disputatio Saraceni et Christiani. Thomas D., Mallet A. (eds.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. 3 (1050–1200). Pp. 479–482.

Le Coran. Traduit de l'arabe, accompagné de notes, précédé d'un abrégé de La Vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés (1821). Traduction par Claude-Étienne Savary. Première partie. Paris: G. Dufour, Libraire. Xvi, 160, 252 p.

Lutheri M. (1543). Alcoranum Præfatio // Bibliander Th. (ed.) *Machumetis Saracenorum principis, eiusque successorum vitae, ac doctrina, ipseque Alcoran*. Basileae: Ex officina Ioannis Oporini.

Pons N. P. (2016). *Alchoranus latinus quem transtulit Marcus canonicus Toletanus: estudio y edición crítica*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas. CLXX, 464 p.

Ricœur P. (1999) Le paradigme de la traduction. *Esprit*, No. 253 (6), Juin 1999. Pp. 8–19.

Roth U. (2014) Juan of Segovia's Translation of the Qur'an. *Al-Qantara*, XXXV 2, julio-diciembre 2014. Pp. 555–578.

Starczewska K. K. (2016) Latin translation of the Qur'an commissioned by Egidio da Viterbo. *Christian-Muslim Relations A Bibliographical History*. Vol. 6. Western Europe (1500–1600). Leiden: Brill. Pp. 417–418.

Starczewska K. K. (2018) *Latin Translation of the Qur'ān (1518/1621): Commissioned by Egidio da Viterbo. Critical Edition and Case Study*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag. Cxxiv, 828 p.

Tottoli R. (2017) Ludovico Marracci. *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. 9. Western and Southern Europe (1600–1700). Leiden: Brill. Pp. 791–800.

Luchickaja S. I. (2018) «Pечат' prorokov»: obraz Muhammada v Corpus Tholetanum [‘The Seal of the Prophets’: The Image of Muhammad in Corpus Tholetanum]. *Vestnik RGGU. Serija «Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie*. 2018. No. 3 (36). Pp. 264–282.

THE LATIN TRANSLATION OF THE QUR'ĀN BETWEEN CONTROVERSY AND RESEARCH

Abstract. This article examines the history of the translation of the Qur'an into Latin. The main attention was paid to the study of the transformation of the approach to the translation of the Qur'an into Latin. During the long historical period (XII–XVII centuries) its basic principles remained unchanged, but the ways of their practical application were significantly changed. The study shows that the combination of polemical and research components forms the basis of the translation approach developed in the translation of Robert of Ketton and Corpus Tholetanum (c. 1143), a collection of works on Islam, created in Toledo under the guidance of Peter the Venerable. These leading components of the translation approach constitute the basis of all other translations of the Qur'an into Latin. However, since Mark of Toledo's translation (c. 1210) the structural characteristics of these components greatly change. In addition, the correlation between them also changes: while in the twelfth century the polemical component significantly shaped certain translation decisions, by the seventeenth century it was definitively detached from the translation itself. This transformation prepared the ground for the modern scientific approach to the translation of the Qur'an.

Keywords: the Qur'an, Latin Qur'an translations, Robert of Ketton, Ludovico Marracci, Christian-Muslim Relations.

Damir V. MUKHETDINOV,

D. Sci. (Theol.), rector, Moscow Islamic Institute

(12, Kirova Lane, 109382, Moscow, Russian Federation);

professor, head of Centre of Islamic Studies, Saint Petersburg State University

(11, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation).

E-mail: dmukhetdinov@gmail.com

